С. ВЕРХОЯНЦЕВЪ.

КОНЕКЪ-СКАКУНОКЪ.

KONEK-SKAKUNOK

РУССКАЯ СКАЗКА.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательство „Водопадъ"
1908 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ай ду-ду! ай ду-ду!
Я возьму свою дуду:
Подберу-ка я подъ дудку,
Братцы, новую погудку!

За глубокими морями,
За дремучими лѣсами,
На долинѣ между горъ,
Въ томъ краю, что до сихъ поръ
Никому еще не вѣдомъ,
Жили бабка съ старымъ дѣдомъ.
Трехъ сыновъ имѣлъ старикъ.
Старшій умный былъ мужикъ,
Ну, а младшаго—такъ всякъ
На деревнѣ дурнемъ звалъ
И, случалося, бивалъ.

Впрочемъ, славные ребята.
Среднiй сынъ пошелъ въ солдаты,
Жили дома съ старикомъ.
Они жили, не тужили,
Лукъ, картошку разводили,
Присѣвали и пшеницу,
Да возили въ градъ—столицу,
Хоть столица та была
Далеконько отъ села.
Тамъ товары продавали,
Кучи денегъ загребали
И съ набитою мошной
Возвращалися домой.
Тутъ встрѣчалъ ихъ становой,
У нихъ деньги отбиралъ,
Царю въ подать отправлялъ.
Братья часто голодали,
Зато подати справляли.

* *
*

Какъ по маслу все катилось,
Да вдругъ горе приключилось:
Кто-то въ полѣ сталъ бывать
И пшеницу ихъ топтать.
Мужики погоревали,
Да въ затылкахъ почесали;
Разсуждать стали потомъ
Да раскидывать умомъ,

Какъ бы имъ бѣду избыть,
Злого вора изловить.
Звали знахаря въ подмогу,
Наконецъ, смекнули сами—
Караулить хлѣбъ ночами.

* * *

Вотъ и стала ночь спускаться:
Въ караулъ пора сбираться.
Говоритъ старикъ Данила
Сыну старшему:
— «Гаврила!
«Ты возьми-ка, братъ, топоръ
«Да ступай скорѣй въ дозоръ».
Страхъ на малаго напалъ.
Въ ноги онъ отцу упалъ:
—«Что- то боязно мнѣ дюже»,—
Говоритъ онъ,—«да къ тому-же
«Безъ Господня изволенья
«Намъ не будетъ разоренья.
«Воръ-то, можетъ быть, и самъ
«Не пойдетъ ужъ больше къ намъ.
Почесалъ въ затылкѣ дѣдъ
И промолвилъ: «Ну, братъ, нѣтъ.
«Оно точно, Богъ-то Богъ,—
»Да и самъ-то не будь плохъ».
И велѣлъ позвать Ивана.
Дурачокъ же у бурьяна

Въ бабки самъ съ собой игралъ,
Громко пѣсни распѣвалъ.
—«Ну, Ванюха-Иванецъ,»—
Говоритъ ему отецъ,—
«Ты Гаврилы поглупѣе,
«Да зато и посмѣлѣе,—
«Такъ иди въ ночной дозоръ,
«Посмотри, что тамъ за воръ.
«Коль то молодецъ удалый,
«Кулакомъ его пожалуй,
«Коль скотина,—бей дубьемъ,
«Коли звѣрь,—такъ топоромъ».

* *
*

Вотъ собрался нашъ Иванъ,
Взялъ онъ только свой кафтанъ,
Хлѣбъ за пазуху заткнулъ,
Туже поясъ подтянулъ
И отправился въ дозоръ,
Не вступая съ дѣдомъ въ споръ.

* *
*

Ночь настала. Мѣсяцъ всходитъ,
Стадо звѣздъ съ собой выводитъ,—
Такъ овечекъ пастушокъ
Выпускаетъ на лужокъ.
Обойдя загонъ кругомъ,
Сѣлъ Иванъ нашъ подъ кустомъ,—

Злого вора поджидаетъ,
Самъ краюшку уплетаетъ.
Вотъ и полночь ужъ проходитъ.
Парень съ поля глазъ не сводитъ.
Вотъ ужъ близится разсвѣтъ,
А воришки нѣтъ какъ нѣтъ.

* *
*

Сонъ клонить Ивана сталъ.
Вдругъ онъ топотъ услыхалъ.
Смотритъ,—въ полѣ конь бѣжитъ,
Вся земля подъ нимъ дрожитъ,
Вьется грива золотая,
Вся въ колечки завитая,
Хвостъ серебряный—трубой,
Прямо чудо конь какой.
На пшеницу прибѣжалъ
И на ней валяться сталъ.
Мой Ванюха не будь простъ,
Хвать его за пышный хвостъ.
Прянулъ конь,—не тутъ-то было:
Ваня держитъ, что есть силы
Хвостъ обѣими руками,
Упершись въ межу ногами.
Тяжело тутъ конь вздохнулъ,
Морду къ парню повернулъ
И давай молить Ванюшу:
«Не губи ты мою душу.

«Я донская кобылица,
«Моя родина станица.
«Отпусти меня ты въ поле.
«Обѣщаю, что ужъ болѣ
«Я не буду воровать,
«Хлѣбъ мужицкій обивать.
«Не спокаешься потомъ,—
«Отплачу тебѣ добромъ:
«Приведу тебѣ конька,
«Не простого,—Скакунка.
«У тебя онъ будетъ жить,
«Вѣрой-правдою служить.
«Станетъ въ горѣ помогать,
«Изъ напасти выручать.
«Ты его не продавай,
«Не дари и не мѣняй,
«Не бросай его нигдѣ,
«А не то,—такъ быть бѣдѣ».
Нашъ Иванъ сговорчивъ былъ:
Кобылицу отпустилъ
И—пошелъ на сѣновалъ..
А на утро самъ не зналъ,
На яву или во снѣ
Ѣздилъ онъ на скакунѣ,
Былъ у батюшки-царя
И чуть смерть не принялъ зря;
Доставалъ перо жаръ-птицы,
Былъ потомъ у Царь-дѣвицы;

Проѣзжалъ и тамъ, гдѣ китъ
Мостомъ на морѣ лежитъ;
Былъ у мѣсяца въ гостяхъ
На кудрявыхъ облакахъ;
Ѣздилъ къ солнцу на поклонъ.
Правда-ль то—не помнилъ онъ,
Только вѣрно, что съ тѣхъ поръ
Не толокъ пшеницы воръ.

* * *

Вся деревня дивовалась
И до сыта насмѣялась,
Какъ Иванъ черезъ два дня
Къ водопою велъ коня.
А отъ злости у Гаврилы
Все лицо перекосило.
И ужъ правда,—былъ конекъ!
Ростомъ только въ локотокъ,
Зато грива золотая,
Вся въ кудряшки завитая,
Шейка выгнута дугой,
Хвостъ серебяный—трубой,
Изумрудныя копыта,
Чапракомъ бока покрыты.
Въ чапракѣ горятъ каменья,
За узду дадутъ имѣнье.
Скакуна еще такого
Не найти и у царя,

И хоть роста небольшого,
А свезетъ богатыря.
Коникъ важно выступаетъ,
Всадникъ ноги поджимаетъ.

* *
*

Какъ урядничекъ узналъ,
На деревню прискакалъ,
Чтобы парня допросить,
Гдѣ коня онъ могъ добыть.
Ванька несъ какой-то вздоръ:
Будто съ чертомъ съ давнихъ поръ
Онъ побился объ закладъ,
Да и выигралъ вотъ кладъ.
Сколь урядникъ ни возился,
Толку все же не добился,
И, забравъ чапракъ съ уздой,
Укатилъ къ себѣ домой.

* *
*

Между тѣмъ Гаврила мой
Ходитъ прямо самъ не свой.
Плохо ѣстъ, не досыпаетъ,
Самъ съ собою разсуждаетъ:
«Ай да Ванька! Онъ дуракъ,
«А смотри, обвелъ насъ какъ.
«Да ужъ изстари ведется,—
«Что лишь глупымъ кладъ дается.

«Ты жъ хоть будь семи пядей,
«Такъ не выжмешь трехъ рублей...
«Все въ хозяйствѣ неисправно...
«А куда бы было славно
«Перенять намъ этотъ кладъ.
«Мнѣ-бъ тогда самъ чортъ не братъ!
«Сталъ бы въ холѣ, въ нѣгѣ жить,
«Съ становымъ хлѣбъ-соль водить...
«За Конька, пожалуй, взять
«Можно сразу тысячъ пять.
«Грѣхъ?.. Пустое говорятъ.
«Такъ ужъ свѣтъ устроенъ, братъ,
«Что стъ праведныхъ трудовъ
«Не нажить себѣ домовъ.
«Хорсшо и для души,
«Ксль въ карманѣ есть гроши.
«Богатѣй живетъ, не тужитъ,
«А помретъ, такъ по немъ служитъ
«Попъ обѣдни круглый годъ,—
«Значитъ, въ рай душа идетъ.

* *
*

Какъ-то вечеромъ Иванъ
Ввелъ лошадку въ балаганъ,
Задалъ ей овса и сѣна,
Самъ же дернулъ на село.
И, пока не разсвѣло,
Тамъ выкидывалъ колѣна

На лужайкѣ въ хороводѣ,
При честномъ при всемъ народѣ.

* *
*

А Гаврила-то и радъ,
Что коня не заперъ братъ.
Вотъ уже онъ въ балаганѣ
И выводитъ на арканѣ
Златогриваго конька,—
Хочетъ сѣсть на Скакунка.
Конь тутъ жалобно заржалъ,
Да Иванъ не услыхалъ.
Сѣлъ Гаврила, конь помчался,
Такъ что парень диву дался
И понять не могъ никакъ,
Что за прыть въ его ногахъ.
Въ ночь верстъ триста отмахалъ,
Чуть-чуть шеи не сломалъ.
А на утренней зарѣ
Очутился на горѣ.
Городъ видѣнъ былъ оттуда,
И не городъ, прямо чудо.
Съ теремами да садами,
Съ золотыми куполами.
Отыскалъ мужикъ базаръ
И поставилъ свой товаръ.
Всякъ коню тому дивится,
Да цѣна—не приступиться.

Вдругъ подходитъ важный баринъ,
Воевода аль бояринъ,—
Сразу видно—покупатель.
—«Это твой конекъ, пріятель?»
—«Знамо мой».
— «Хорошъ, хорошъ!
«А за много-ль продаешь?»
—«За пять тысячей отдамъ».
—«Я согласенъ».
—«По рукамъ!»
Конь пошелъ безъ дальнихъ словъ
За пять тысячей рублевъ.
А Гаврила деньги взялъ,
Да скорѣе на вокзалъ,
Тамъ билетъ себѣ купилъ
И къ утру ужъ дома былъ
(Не боялся, видно, срама).
Не пошелъ онъ въ избу прямо,
А какъ будто невзначай
Забѣжалъ сперва въ сарай.
Деньги въ тряпку завернулъ
Да подъ крышу тамъ заткнулъ.
А потомъ въ избу идетъ,
На икону крестъ кладетъ,
Всѣмъ поклоны отдаетъ.
Тутъ Иванъ къ нему присталъ:
—«Скакунка вѣдь ты укралъ!»
—«Знать, взбѣсился нашъ Иванъ!

«Что ты, братецъ, али пьянъ?
«Лопни брюхо у меня,
«Не дожить до Свѣтла дня,
«Коли я увелъ коня!»

* *
*

Три недѣли укатило.
Къ старику присталъ Гаврила,
Говоритъ: «Хочу жениться».
А потомъ: «Давай дѣлиться».
Раздѣлилися безъ спору.
И пошелъ Гаврила въ гору;
Подъ желѣзо вывелъ домъ,
Лавку выстроилъ потомъ.
Подружился съ становымъ.
Сталъ по селамъ ѣздить съ нимъ:
Приставъ подати сбирать,
Недоимки выдирать,
А купецъ у мужиковъ
Покупать добро съ торговъ.

Попъ купчину тожъ любилъ,
Брать примѣръ съ него училъ.

* *
*

Время шло, а не стояло,
И воды уже не мало
Убѣжало въ сине-море,—

И случись въ томъ царствѣ горе:
Не родилось вовсе ржицы,
Ни картошки, ни пшеницы.
Тутъ не то что продавать,—
Самимъ нечего жевать.
Съ голодухи мужики
Свищутъ громко въ кулаки.
Да начальству дѣла нѣтъ,
Есть иль нѣтъ у нихъ обѣдъ:
Урожай—неурожай,—
Царю подати подай.

* *
*

Вотъ на троечкѣ на быстрой
Становой несется приставъ.
И урядничекъ катитъ,
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Тутъ и земскій самъ начальникъ,
Деревенскихъ бѣдъ печальникъ.
Съ нимъ сидитъ письмоводитель.
Удивительный грабитель.
А за ними казачки—
Все донскіе мужички—
Сломя голову летятъ
Да нагайками грозятъ.
Собралася эта рать
Царю подати сбирать.

На деревню прилетѣли,
Сходъ собрать скорѣй велѣли.

* *
*

Говоритъ тогда Данила:
—«Ваня, сбѣгай до Гаврилы:
«Дай, молъ, намъ рублишекъ пять,
«Недоимку съ шеи снять».
Парень выскочилъ изъ хаты
И бѣгомъ пустился къ брату.
Онъ засталъ Гаврилу въ лавкѣ.
Тотъ баланцы на прилавкѣ
Въ счетной книгѣ подводилъ
И съ утра не въ духѣ былъ.
Онъ Ивана грубо встрѣтилъ,
И на «здравствуй» не отвѣтилъ.
—«Вы съ отцомъ-то больно ловки.
«У меня такой снаровки
«Нѣтъ, чтобъ деньги зря давать,—
«Не легко ихъ добывать.
«Кабы меньше вы гуляли,
«Да начальство почитали,
«Да ходили-бы въ церковь божью,—
«Вотъ и были-бы вы съ рожью».
Тутъ Иванъ купца прервалъ:
—«Братъ, вѣдь ты Конька укралъ».

Разобидѣлся Гаврила,
Закричалъ, чло было силы:
—«Ишь, такой-сякой болванъ,
«Неотесанный мужланъ!
«Поднимать пришелъ здѣсь шумъ?
«У меня урядникъ кумъ:
«Вотъ стащу тебя въ расправу—
«Угостятъ тебя на славу,
«Всыпятъ, сколько захочу,
«Да и самъ поколочу,—
«Позабудешь, какъ ругаться!»
И полѣзъ ужъ было драться;
Вспомня жъ братнину ухватку,
Не рѣшился съ нимъ на схватку.

* *
*

На деревнѣ жъ становой,
Словно лютый песъ цѣпной
Со дворовъ уводитъ скотъ,
За безцѣнокъ продаетъ,
Самъ же все крестьянъ пушитъ
И всѣхъ выпороть грозитъ.
А Данила, старикъ дюжій,—
Не сробѣлъ; да онъ къ тому же
Ходилъ въ старостахъ тотъ годъ.
Выступаетъ онъ впередъ
И такую рѣчь ведетъ:
—«Не дери ты, приставъ, носъ!

«Вѣдь и самъ ты знаешь, чай,
«Что у насъ неурожай.
«Ты бъ царю о томъ донесъ.
«Царь, узнавъ то, можетъ быть,
«Велитъ подать съ насъ сложить.
«Вѣдь ему большой доходъ
«И безъ подати идетъ.
«Я те дѣло говорю.
«Напиши-ка ты царю:
«Дескать, есть мужикъ Данила;
«Сорокъ лѣтъ онъ черезъ силу
«На тебя, молъ, работалъ,
«Дани-подати справлялъ;
«Нынче-жъ выбился изъ силъ,
«Почитай, что все прожилъ,—
«Ходитъ въ праздникъ безъ сапогъ,
«Ждетъ, чтобъ ты ему помогъ,—
«Потерпи съ него оброкъ:
«Онъ отдастъ тебѣ, молъ, въ срокъ!»
Приставъ пуще взбѣленился,
Чуть слюной не подавился:
—«Ахъ такой-сякой старикъ,
«Сицилистъ и бунтовщикъ!
«Вздумалъ ты царя учить,
«Чортовъ сынъ, собачья сыть!»
Налетѣлъ на мужика,
Тычетъ онъ ему въ бока,
Заѣзжаетъ въ усъ и въ рыло.

Тутъ и земскіи подскочилъ,
Въ шею тожъ ему хватилъ.
Заартачился Данила:
—«Не извольте, баринъ, драться!»
—«А, такъ ты и огрызаться!
«Ну-ка, стражники!»
— «Ребята!
«Сынъ мой тожъ пошелъ въ солдаты»,—
Говоритъ солдатамъ дѣдъ,—
«А у васъ отцовъ аль нѣтъ?»
Сперва стражники замялись,
Дѣда бить поопасались;,
Да ихъ земскій подбодрилъ:
—«Сынъ у дѣда, точно, былъ,
«Да давно на службу взятъ.
«Бравый онъ теперь солдатъ,
«Тоже учитъ мужиковъ,—
«Вотъ такихъ же дураковъ».
Отлупили старика.
Чешетъ онъ свои бока
Да въ избу къ себѣ спѣшитъ,
Самъ съ собою говоритъ:
«Хотъ до нитки разорюсь,
«А до правды доберусь».

* * *

Возвратился той порой
И Иванушка домой.

Дѣдъ къ нему:

— «Ну, братъ, Иванъ,
«Надѣвай-ка синь-кафтанъ,
«Отправляйся въ градъ-столицу,
«Отыщи царя—царицу,
«Да подай ты имъ прошенье:
«Молъ, большое утѣсненье
«Отъ царевыхъ воеводъ
«Въ деревняхъ мужикъ несетъ».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Писарь пишетъ въ два пера
Государевы дѣла.
Ой ты, писарь, писарекъ,
Золотой твой разумокъ!
Ты пиши указъ, пиши,
Да печати приложи,
Чтобъ царинушка потомъ
Не заперся бы во всемъ.

Это присказка идетъ,
Сказка будетъ въ свой чередъ.

* *
*

День еще не занимался,
А Иванъ ужъ въ путь собрался.
Только вышелъ за лѣсокъ,
Глядь—стоитъ его Конекъ,
На хозяина глядитъ.

Со всѣхъ ногъ Иванъ бѣжитъ:
—«Ой, Конекъ, ты мой, Конекъ,
«Златогривый Скакунокъ!»
Сталъ его онъ обнимать,
Крѣпко въ морду цѣловать.
А Конекъ ему заржалъ:
—«Самъ, Иванушка, сплошалъ,
«Что оставилъ безъ призору
«Ты меня въ ночную пору.
«Твой вѣдь братъ меня продалъ;
«Да я время улучилъ,
«Черезъ тынъ перескочилъ
«И къ тебѣ вотъ прибѣжалъ.
«Что идешь ты такъ невеселъ?
«Что головушку повѣсилъ?
«Разскажи свою печаль,—
«Облегчить ее нельзя-ль?»

* *
*

Залился Иванъ слезами.
Разсказалъ онъ, какъ плетями
Били стараго отца;
Разсказалъ, какъ жеребца
Становой за подать свелъ,
И зачѣмъ къ царю онъ шелъ.
А Конекъ ему въ отвѣтъ:
—«Твой обиженъ сильно дѣдъ;
«Только то еще не горе.

«Ты и самъ узнаешь вскорѣ,
«Что все горе впереди.
«То ли будетъ—подожди!
«На меня теперь садись,
«Только знай себѣ, держись:
«Ствезу тебя въ столицу
«Посмотрѣть царя—царицу».
Сѣлъ Иванъ. Конекъ помчался,
Такъ что парень диву дался.
Словно вихорь онъ несется;
Изъ-подъ ногъ пыль клубомъ вьется,
Десять верстъ въ одинъ прыжокъ
Пробѣгаетъ Скакунокъ.
Не догнать его и птицѣ.
Прямикомъ бѣжитъ къ столицѣ.

* *
*

Какъ завидѣли заставу,
Опустился конь на траву,
Ванѣ слѣзть съ себя велитъ
И потомъ такъ говоритъ:
—«Вотъ что, другъ ты мой прекрасный!
«Въ городъ мнѣ итти опасно.
«Тамъ народъ-то, знаешь, плутъ,
«Тамъ какъ разъ меня сведутъ.
«Ты одинъ теперь ступай,
«Да смотри, братъ, не плошай,
«Или нѣтъ еще... Постой:

«Вырви волосъ золотой
«Изъ моей кудрявой гривы
«И тотъ волосъ сохрани:
«Настаютъ худые дни.
«Коль останемся мы живы
«И понуждится опять
«На Конькѣ тебѣ скакать,—
«Стань лицомъ ты на востокъ
«И порви тотъ волосокъ:—
«Вмигъ явлюсь передъ тобой,
«Словно листъ передъ травой».
Тутъ съ Иваномъ конь простился
И изъ глазъ въ минуту скрылся.
Ваня вслѣдъ ему взглянулъ,
Да минуточку всплакнулъ,
Вытеръ слезы рукавомъ
И пошелъ себѣ пѣшкомъ.

* *
*

Вотъ онъ входитъ во столицу;
Видитъ лавокъ вереницу.
За прилавками купцы,
А въ дверяхъ-то молодцы,
Все товаръ свой выхваляютъ,
Къ себѣ въ гости зазываютъ,
На Ивана не глядятъ,—
Видятъ, парень не богатъ.

Онъ все улицей идетъ,
Смотритъ самъ по сторонамъ.
Счету нѣтъ тутъ теремамъ,
И у каждыхъ у воротъ,
Дворникъ съ бляхою стоитъ
И во всѣ глаза глядитъ
На прохожихъ, ѣздоковъ,
На господъ и мужиковъ.
Вдругъ предъ Ванею палаты.
У воротъ стоятъ солдаты,
Въ портупеяхъ, въ тесакахъ,
Держатъ ружьица въ рукахъ.
Да Ивану что за дѣло?
Мимо нихъ идетъ онъ смѣло.
— «Эй, куда ты прешь, болванъ?»
Удивился мой Иванъ:
Сталъ и смотритъ на солдата.
— «А не здѣсь царева хата?
«Ты, служивый, не кричи,
«Лучше толкомъ научи,
«Какъ бы мнѣ найти царя?»
— «Что ты, дурень, мелешь зря?
«Али ты напился пьянъ,
«Неотесанный мужланъ?
«Проходи а то какъ разъ
«Накладу тебѣ сейчасъ!»
Почесалъ Иванъ затылокъ
И, хотъ былъ онъ нравомъ пылокъ,

Въ споръ напрасный не вступилъ,
Отъ хоромъ поворотилъ.

* *
*

Вотъ на площадь онъ выходитъ.
Тьма по ней народу бродитъ.
Только мало изъ господъ,
Больше все простой народъ,
Всѣ Ивану не знакомы.
Дурачекъ къ тому, къ другому:
— «Что такое тутъ, землякъ?»
Отвѣчаютъ:—«Такъ и такъ.
«Мы простые мужики.
«Отъ крестьянства ходоки;
«Приплелись сюда гужомъ
«Бить царю-отцу челомъ.
«Насъ послалъ сюда народъ:
«Отъ царевыхъ воеводъ
«Вовсе намъ житья не стало.
«Насъ и земскіе дерутъ,
«Становые въ дугу гнутъ...
«А землишки больно мало:
«Негдѣ курицу пустить,—
«Гдѣ-жъ тамъ подать! уплатить!
«Хоть сиди да волкомъ вой,
«Коль не въ прорубь головой.
«А на фабрику пойдешь,
«Такъ работы не найдешь.

«Да и тамъ, слышь, обижаютъ,
«Все штрафами донимаютъ.
«Правды мы пришли искать
«Земли-воли добывать.
«Глянь-ка вонъ на тотъ конецъ:
«Государевъ тамъ дворецъ.
«Царь сейчасъ опочиваетъ,
«А проснется да узнаетъ,
«Къ намъ онъ выйдетъ на крылецъ,
«Насъ послушаетъ, отецъ».

* *
*

Какъ во городѣ столичномъ
Во дворцѣ живетъ отличномъ,
Царь страны той Берендей
(Подъ нимъ двадцать пять царей).
Съ нимъ живутъ и двѣ царицы,
Двѣ Заморскія Дѣвицы:
Берендея мать—одна,
А другая-то—жена.
Еще есть у нихъ приплодъ,
Сынъ—наслѣдничекъ растетъ.
Всѣ живутъ который годъ
Безъ печали, безъ заботъ,
Сладки вина попиваютъ,
Виноградомъ заѣдаютъ.
На готовомъ царь живетъ,
И идетъ ему доходъ:

Получаетъ онъ заразъ
Сорокъ тысячъ рублей въ часъ,
Не беретъ совсѣмъ бумажекъ—
Ни рублевокъ, ни сотняжекъ—
А беретъ онъ только злато
(Знать, страна его богата),
Корабли имъ нагружаетъ,
Въ банкъ за море отправляетъ.

* *
*

Въ этомъ царствѣ есть преданье,
Что въ тотъ день, какъ на престолъ
Своихъ предковъ царь взошелъ,
Ему было предсказанье:
«Девять лѣтъ онъ въ тишинѣ
Будетъ царствовать въ странѣ,
На десятомъ же году
Повстрѣчаетъ онъ бѣду».
А какъ разъ десятый годъ
Его царству настаетъ.
Мудрено ль, что Берендей
Сталъ ночей не досыпать
И съ супругою своей
Поздно ложе покидать.

*
* *

Было такъ и въ этотъ разъ.
Не успѣлъ продрать онъ глазъ,

Какъ вдругъ слышитъ донесенье:
«Царь, въ столицѣ возмущенье...
«На дворецъ толпа идетъ,—
«Правды требуетъ народъ».
Царь какъ скатерть поблѣднѣлъ,
На чердакъ бѣжать хотѣлъ.
Заметалася царица,
Какъ подстрѣленная птица:
— «Ахти, батюшки, бѣда!
«Что намъ дѣлать, господа?»
Глядь, дворцовый воевода
Имъ кричитъ уже отъ входа:
— «Ты не бойся, нашъ властитель!
«Не возьмутъ твою обитель:
«Я на тѣхъ бунтовщиковъ
«Приготовилъ казаковъ,
«Да поставилъ за ворота
«Роту гвардіи—пѣхоты».
Посмѣлѣлъ тутъ царь немножко,
Глянулъ онъ въ свое окошко.
Въ самомъ дѣлѣ, у сѣней
Стоитъ множество людей,—
Все простые мужики,
Въ полушубкахъ вахлаки.
Если-бъ всѣхъ ихъ сосчитать.
Набралось бы тысячъ съ пять,
А пожалуй, что и болѣ,—
И кричатъ: «Земли и Воли!»

* * *

Берендей глазкомъ мигнулъ,
Бѣлой ручкой шевельнулъ,—
Налетѣли гайдуки
И донскіе казаки,
Съ крикомъ врѣзались въ народъ.
Казакъ плетсчкой сѣчетъ,
Конь его зубами рветъ.
Отъ казачьихъ тѣхъ наградъ
Въ разсыпную старъ и младъ.
А одинъ казакъ Ивану
Задалъ сабелькою рану.
Да Иванъ не растерялся;
Въ руки шестъ ему попался
Вотъ и сталъ онъ тѣмъ шестомъ
Поворачивать кругомъ.
Шестъ попалъ ему съ руки,—
Берегитесь, казаки!
Въ одну сторону махнетъ,
Цѣлу улицу мететъ,
А въ другую отвернетъ—
Переулочекъ кладетъ.
Казаки тутъ отступали
И Ивана пропускали.
Кое-кто еще за нимъ
Вышелъ съ поля невредимъ.
Да немногіе успѣли

Безъ увѣчья убѣжать.
Вскорѣ ружья загремѣли:
Царь велѣлъ въ народъ стрѣлять.
Часъ, не больше, пролетѣлъ,
Навалили груду тѣлъ.

* *
*

Заигралъ рожокъ отбой,
Войско тронулось домой;
Царь съ крыльца къ нему сходилъ
И работу похвалилъ:
—«Ой гвардейцы и донцы
«Вы, ребята, молодцы!»
Всѣмъ поднесъ по рюмкѣ водки,
На закуску далъ селедки.

А по площади потомъ
Все дозоръ ходилъ кругомъ:
Лужи крови все искали
Да песочкомъ засыпали.

* *
*

Крикъ пошелъ, какъ на базарѣ:
«Виноваты-де бояре,
«Кто не знаетъ?—съ давнихъ поръ
«Ими полонъ царскій дворъ.
«Ихъ проклятая порода
«Обижаетъ мужиковъ,

«Берендей же для народа
«Съ шеи крестъ отдать готовъ.
«Коли-бъ онъ про все могъ знать,
«Вышла-бъ тутъ иная стать».
Часъ и два галдитъ народъ,
Дѣло все на ладъ нейдетъ.
Кто кричитъ—безъ промедленья
Настрочитъ царю прошенье;
Кто совѣтуетъ опять
Ходоковъ къ нему послать...

* *
*

Былъ на сходѣ и Иванъ
(Излѣчился онъ отъ ранъ).
Слыша, какъ галдитъ народъ,
Онъ и ухомъ не ведетъ:
Знай себѣ свиститъ въ кулакъ,
Будто это надо такъ.
Говорятъ ему:
— «Ванюша!
«Коль ты знаешь что, такъ слушай;
«Ты насъ толкомъ научи,
«Безъ пути же не кричи».

* *
*

На дрова Иванъ взмостился
И къ народу обратился:

— «Будетъ горла-то вамъ драть!
«Надо дѣло начинать:
«Вотъ вы все бояръ вините,
«На всѣ корки ихъ браните—
«Нынче то же, что вчерась.
«Плюньте вы на эту мразь
«И признайтеся, ребята,
«Что вы сами виноваты.
«Кто на службѣ у господъ?
«Кто-жъ?—да мы, простой народъ!
«Воевода вѣдь не самъ
«Далъ намедни трепку намъ:
«Гайдуки и казаки—
«Это тѣ же мужики.
«Да куда ни повернись
«И за что ты ни возьмись—
«И вблизи, и вдалекѣ—
«Все стоитъ на мужикѣ.
«Взять попа: онъ насъ коритъ,
«А вѣдь нашимъ хлѣбомъ сытъ!
«Мужикъ пашетъ и куетъ;
«Всѣмъ идетъ съ него доходъ—
«И купцу, и дворянину,
«И царю, и его сыну,
«Брось работу онъ,—такъ, братъ,
«Господишкамъ сразу матъ!
«Да и царь нашъ Берендей
«Приметъ насъ тогда скорѣй,

«И узнать онъ пожелаетъ.
«Отчего народъ страдаетъ».

* *
*

Тутъ весь сходъ какъ закричитъ:
«Ваня дѣло говоритъ!
«Вотъ что вѣрно, такъ ужъ вѣрно!
«Воевода самъ, примѣрно,
«Не сумѣетъ щей сварить,
«А не то, что насъ побить!»
Порѣшили въ тотъ же часъ
Забастовку сдѣлать вразъ,
И чтобъ время не терять,
Всѣхъ пошли съ работъ снимать.

* *
*

Стали фабрики, заводы,
Поѣзда и пароходы,
Ни капусты, ни муки
Не подвозятъ мужики,
Пекарь булокъ не печетъ,
Дворникъ улицъ не мететъ.
У царя у Берендея
Разбѣжалися лакеи:
Ни кваску испить подать,
Ни лучины нащепать,

И стоитъ его дворецъ,
Какъ неубранный мертвецъ.

* *
*

От мужицкихъ тѣхъ затѣй
Взбылъ на тронѣ Берендей.
Отъ одной безсонной ночи
У него ввалились очи.
Войскъ въ столицѣ было мало,—
Знать начальство оплошало.
Что тутъ дѣлать, какъ тутъ быть?
Чѣмъ тутъ горю пособить?
У царя въ то время жилъ
Злой кудесникъ,—не то попъ,
Не то дьяволовъ холопъ,
Царь имъ сильно дорожилъ.
Колдуну уже сто лѣтъ;
Лысъ и худъ онъ какъ скелетъ.
Берендей къ нему бѣжить,
Крѣпко въ дверь его стучитъ:
—«Ты скажи, скажи, отецъ!
«Аль приходитъ нашъ конецъ!»
Чародѣй въ то время въ кельѣ
Кипятилъ въ кастрюлѣ зелье.
Дверцы онъ пріотворилъ
И царю проговорилъ:
—«Въ этотъ разъ бѣда пройдетъ.
«Больно теменъ твой народъ;

«Дури въ немъ еще нѣтъ смѣты...
«Есть хорошія примѣты:
«Надъ кастрюлей паръ клубится,
«А въ кастрюлѣ кровь варится...
«Бой на улицахъ пойдетъ,
«Братъ на брата нападетъ...
«А теперь къ себѣ ступай,
«Доварить мнѣ зелье дай;
«Сядь на тронъ свой драгоцѣнный,
«Собери совѣтъ военный».

* *
*

Царь отъ знахаря бѣжитъ
И совѣтъ собрать спѣшитъ.
Своихъ сродниковъ сзываетъ;
На совѣтъ тотъ приглашаетъ
Онъ чиновныхъ разныхъ баръ,
Именитыхъ тѣхъ бояръ,
Да ужъ кстати и поповъ,
Что морочатъ мужиковъ.
—«Ой вы, други, помогите!
«Мужика вы мнѣ скрутите,
«А не то вѣдь онъ какъ разъ
«Въ шею выгонитъ всѣхъ насъ,
«Вмѣстѣ съ свѣтъ моей царицей,
«Со Заморскою Дѣвицей.
«Да и вамъ не сдобровать
«Коль онъ будетъ бунтовать».

Посудили, порядили,
Ни на чемъ не порѣшили.
Вдругъ поднялся воевода,
По прозванію Сысой,
Онъ не знатнаго былъ рода,
Только чинъ имѣлъ большой;
А въ такую честь попалъ
Потому, что надувалъ
Лучше прочихъ воеводъ
Берендеевскій народъ
И безсовѣстно божился.
Вотъ царю онъ поклонился.
И повелъ такую рѣчь:
—«Знаю я, какъ зло пресѣчь,
«Пресвѣтлѣйшій Берендей!
«Манифестъ издай скорѣй:
«Объяви всему народу,
«Что даешь ему свободу.
«Пусть про вѣрныхъ слугъ своихъ,
«Про чиновниковъ лихихъ,
«Въ деревняхъ и въ городахъ,
«На письмѣ и на словахъ
«Говоритъ, что знаетъ, всякъ,—
«Будь онъ умный, будь дуракъ,—
«Не боясь за то попасть
«Къ околодочному въ часть.
«Такимъ родомъ, посмотри:
«Въ двѣ недѣли, али въ три

«Ты узнаешь, кто буянъ,
«Кто мятежникъ, кто смутьямъ.
«Пусть себѣ кричатъ они;
«Ты лишь время протяни,
«Да гляди, не оплошай,
«Войскъ поболѣ собирай.
«Мы же той порой смекнемъ,
«Какъ управиться со зломъ»,
Просвѣтлѣлъ лицомъ тутъ царь,—
Сталъ онъ веселъ, какъ и встарь,—
— «Ой ты гой-еси, Сысой,
«Воевода славный мой!
«Вижу, служишь ты мнѣ вѣрно,
«Не ударилъ въ грязъ лицомъ.
«Награжу тебя примѣрно:
«Графскимъ чиномъ и крестомъ»

* *
*

Порѣшили дѣло въ часъ.
И подписанный указъ
Повезли во всѣ концы
Государевы гонцы.
Царь писалъ: «Отнынѣ мы
Отрекаемся отъ тьмы.
Девять лѣтъ изъ года въ годъ
Притѣсняли мы народъ.
А теперь конецъ мытарству.
Пусть вездѣ у насъ по царству

Всякій смѣло говоритъ,
Что душа ему велитъ,
Про царевыхъ воеводъ.
Знайте всѣ, что напередъ
За такія обличенья
Вамъ не будетъ утѣсненья,—
Станемъ царствовать законно.
Наша воля непреклонна.
А порукою мы въ томъ
Слово царское даемъ».
Да еще царь прибавляетъ,
Что онъ выслушать желаетъ,
Отъ народа ходоковъ,
Депутатовъ-мужиковъ.
Пусть пятьсотъ ихъ изберутъ
Да въ столицу всѣхъ пошлютъ.
Эту избранную рать
Надо Думой величать.

* * *

И едва простой народъ
Про указъ прослышалъ тотъ,
Все ожило, встрепенулось,
Царство сонное проснулось.
Въ ходъ пошли опять заводы,
Понеслися пароходы,
Паровозы громко свищутъ.
Пассажировъ къ себѣ кличутъ,

Пекарь булочки печетъ,
Дворникъ улицу мететъ.
И на радости такой
Сталъ народъ какъ бы шальной.
Люди въ кучи собирались,
Какъ въ Христовъ день цѣловались;
И ходили до полночи,
Протирая себѣ очи,
Манифестъ царевъ читали,
Да «ура» царю кричали,
И чтобъ часу не терять,
Стали тутъ же выбирать
Къ Берендею ходоковъ,
Депутатовъ-мужиковъ.
А въ числѣ другихъ Иванъ
Депутатомъ былъ избранъ.

* *
*

Вотъ прошло двѣ-три недѣли,
Въ небѣ тучки почернѣли,
А чернѣй свинцовой тучи
Берендей сидить могучій.
Онъ сидитъ въ своемъ дворцѣ,
На престолѣ и въ вѣнцѣ.
А съ нимъ рядомъ двѣ царицы,
Двѣ Заморскія Дѣвицы,
Словно облачки грустны,
Слезки въ ихъ очахъ видны.

Что же такъ царя тревожитъ?
Что его сердечко гложетъ?
Что! Конечно, не бездѣлка!
Въ его войскѣ перестрѣлка:
Полкъ одинъ сталъ за народъ,
А другой—за царскій родъ.
— «Что-жъ такъ долго нѣтъ Сысоя?
«Жду его уже давно я!»—
Царь съ досадою вскричалъ
И въ полъ ножкой постучалъ.
Глядь, Сысой ужъ тутъ стоитъ,
На царя въ упоръ глядитъ
— «Гой ты рабъ лукавый мой,
«Воевода нашъ Сысой!
«Обманулъ ты насъ съ царицей,
«Съ свѣтъ заморской Царь-Дѣвицей,
«Съ нею весь нашъ царскій родъ.
«Взбунтовалъ ты намъ народъ!
«И, что вовсе ужъ не гоже,
«Взбунтовалъ и войско тоже.
«Вѣдь я слышу, за стѣной
«Намъ кричатъ: «долой! долой!»
«Ужъ вломились депутаты
«Въ наши царскія палаты,
«Говорятъ, что мы не въ волѣ
«Никого казнить ужъ болѣ.
«Дай-же мнѣ теперь отвѣтъ:
«Царь я больше али нѣтъ?»

Воевода не смутился,
Царю въ поясъ поклонился,
На него глаза возвелъ
И такую рѣчь повелъ:
— «Пресвѣтлѣйшій Берендей!
«Вѣренъ я семьѣ твоей,—
«И тебѣ и двумъ царицамъ
«Двумъ заморскимъ Царь-Дѣвицамъ,
«И всему ихъ вѣренъ роду.
«Не мирволилъ я народу,
«Я ночей не досыпалъ,
«Войско, гвардію сбиралъ.
«Не грусти, надежа-царь!
«Веселися какъ и встарь,
«И возьми себѣ ты въ толкъ:
«Усмиренъ мятежный полкъ;
«Остальные же полки,
«Твои вѣрные стрѣлки,—
«За тебя въ огонь и въ воду,
«Гдѣ-жъ осилить ихъ народу!
«Все назадъ ты можешь взять,
«Что ему изволилъ дать».
— «Вотъ люблю такую рѣчь!
«Какъ гора свалилась съ плечъ!»—
Закричалъ тутъ Берендей
И добавилъ поскорѣй:
—Да и Думу тожъ пора
«Гнать метлою со двора».

— «Государственную Думу
«Мы разгонимъ, царь, безъ шуму».

* *
*

Тутъ же отдалъ царь приказъ
Написать другой указъ.
Въ часъ все было ужъ готово.
Вотъ указъ тотъ слово въ слово:
«Войску выступить въ походъ,—
«Усмирить вездѣ народъ.
«Крикунамъ плетей отвѣсить,
«Всѣхъ ораторовъ повѣсить,
«Депутатовъ же схватить,
«По острогамъ разсадить».
А въ концѣ—рукой своей
Царь поставилъ: «Берендей».

* *
*

И не прежніе гонцы,
А жандармы-молодцы
Разносили подъ полой,
Да и то ночной порой,
Новый тотъ указъ царевъ,
Чтобъ никто изъ мужиковъ
Не провѣдалъ, не узналъ,
Что самъ царь его писалъ.

* * *

Тру-ру-бумъ! Тру-ру-бумъ!
Поднялся ужасный шумъ.
Сторонись, народъ честной,—
Судъ наѣхалъ полевой!
Прокуроромъ самъ паукъ.
Изъ его-ли цѣпкихъ рукъ
Живъ никто не выходилъ.
Тараканъ судьею былъ;
Онъ на хлѣбушкѣ ржаномъ,
На мужицкомъ, даровомъ,
Разжирѣлъ, какъ старый сомъ.
Помогалъ ему комаръ,
Парень—ухъ какой угаръ!
Подивись крестьянскій людъ:
Притащили пчелку въ судъ.
Отъ весенней голодухи
Съ ней случилася проруха:
Захотѣлось пчелкѣ ѣсть.
Она въ теремъ проскользнула,
Къ банкѣ съ медомъ тамъ прильнула
Кражи той нельзя учесть,
Не измѣрить и не взвѣсить...
Судъ рѣшилъ пчелу повѣсить.

* * *

Былъ палачъ у Берендея.
Много лѣтъ онъ, не жалѣя,

Людямъ головы срубалъ,
Землю кровью поливалъ.
Берендей его любилъ,
Златомъ-серебромъ дарилъ,
Даже разъ, напившись пьянъ,
Далъ ему боярскій санъ,
А въ день царскихъ именинъ
Далъ сто тысячъ десятинъ.
Жизнь какъ маслена текла:
Глядь, бѣда на дворъ пришла.
Началъ стариться палачъ.
Ноютъ руки—хоть ты плачь,—
Не поднимешь топора:
Знать, въ отставку ужъ пора.
Царь хоть имъ и дорожилъ,
Но однако-жъ отпустилъ.

* *
*

Прикатилъ палачъ въ имѣнье
И принялся за строенье.
Садъ разбилъ, построилъ домъ,
Окопалъ его кругомъ,
И, какъ дѣлаютъ всѣ бары,
Вывелъ крѣпкіе амбары.
Началъ жить да поживать,
Да сосѣдей прижимать.
А сосѣди мужики,—
Вахлаки и простаки:

Они пашутъ, сѣютъ, жнутъ,
Хлѣбъ къ помѣщику везутъ.

* *
*

Дѣло катышкомъ катилось,
Да вдругъ хлѣба не родилось;
Родилась лишь лебеда.
Мужики—-не господа:
Для нихъ нѣтъ еще бѣды,
Если много лебеды,
Будетъ подлинно бѣда,
Коли выйдетъ лебеда.

* *
*

Вотъ прошло двѣ-три недѣли,
Съ лебедою хлѣбъ пріѣли.
— «До бѣды еще семь лѣтъ,—
«Будемъ живы, либо нѣтъ!»—
Разсуждаютъ мужики.
Мужики не дураки:
Они желуди толкутъ,
Изъ нихъ хлѣбушко пекутъ.
И хоть моръ ребятокъ валитъ,
Да за то начальство хвалитъ,
Шлетъ въ столицу донесенья,
Что спокойны всѣ селенья

И что хватитъ желудей
Для крестьянъ и для свиней.

* *
*

Но и желуди повышли.
Мужики изъ изобъ вышли
И глядятъ изъ-подъ руки
На помѣщичьи замки.
Ими заперты амбары,—
Все съѣстные тамъ товары:
И гречиха, и пшеница,
И мука, и чечевица.
Знать, палачъ запасливъ былъ,—
Хлѣба много накопилъ.
Мужики къ нему толпой:
«Подѣлись, дескать, мукой».
Только къ просьбамъ глухъ палачъ:
Не разжалобишь,—не плачь!

* *
*

Что ни день, нужда сильнѣе
Въ славномъ царствѣ Берендея.
Вновь сбирается народъ
У помѣщичьихъ воротъ.
Впереди старикъ Данила:
— «Ты послушай, баринъ милый!
«На тебя мы гнули вѣкъ.
«Будь же добрый человѣкъ,

«Дай муки; тебѣ за ссуду
«Лишку мы дадимъ по пуду.
«А не то, такъ вотъ те крестъ,
«Царь напишетъ манифестъ,—
«Будешь ты съ своей землицей
«Подъ мужицкой рукавицей».
А палачъ, въ отвѣтъ на это,
Въ мужиковъ изъ пистолета.

* *
*

Ночка на землю упала.
Вотъ и полночь ужъ настала.
Баринъ спитъ невиннымъ сномъ.
Вдругъ онъ слышитъ стукъ и громъ.
— «Что за шумъ?»
— «Горятъ строенья;
«Подожгли твое имѣнье».
— «Эй, тушить!»
— «Не выйдетъ дѣло.
«Почти все уже сгорѣло;
«Занимается и домъ,—
«Хоть спастись бы нагишомъ!»
Да мужикъ не держитъ злобы,
Хоть нѣтъ хлѣба для утробы.
Приготовилъ трехъ коней
Для господъ и ихъ дѣтей;
Усадилъ на тройкѣ той
Палача съ его семьей:

— «Съ Богомъ, баринъ, отправляйся,
Да смотри, не возвращайся!»

* * *

Поле топотомъ гудитъ,
Въ полѣ тучей пыль виситъ.
То не ханъ съ ордой идетъ
Полонить честной народъ,
Не турецкій царь Салтанъ
Ѣдетъ грабить христіанъ,—
То идутъ, спѣшатъ стрѣлочки,
Все крестьянскіе сыночки;
А начальство у стрѣлковъ
Изъ дворянскихъ все сынковъ.
Царь въ походъ ихъ снарядилъ,
Попъ крестомъ благословилъ,
А насталъ отправки часъ,—
Прочитали имъ приказъ,
Чтобы въ полѣ не робѣть,
Да патроновъ не жалѣть.
Ой и быстро же идутъ.
Съ собой ружьица несутъ.
Впереди-то генералы,
По бокамъ бѣгутъ капралы.
Офицеры на коняхъ,
Въ эполетахъ, въ орденахъ,—
Все команду отдаютъ.
Барабаны громко бьютъ,

Трубы кованы трубятъ,
Пушки мѣдныя блестятъ.
Словно лѣсъ густой—штыки,
Пулеметики легки.

Ой вы, каиновы дѣти!
На кого-жъ орудья эти?

* *
*

Вотъ къ деревнѣ подошли
Пулеметы навели.
— «Эй, какой тутъ есть народъ?
«Выходи-ка всѣ на сходъ.
«Вылѣзай изъ изобъ вонъ,—
«Мы покажемъ вамъ законъ!»
Высыпаютъ мужики;
Стали противъ нихъ стрѣлки.
Генералъ тутъ держитъ рѣчь:
— «А! такъ вы имѣнья жечь!
«Вы просить земли и воли!
«Я попотчую васъ вволю:
«Сколько хочешь дамъ земли.
«Эй, повзводно, рота,—пли!»
Грянулъ залпъ, за нимъ другой.
Огласилъ деревню вой.
Мѣтки пули у стрѣлковъ:
Пало много мужиковъ.
А старинушкѣ Данилѣ

Прямо въ сердце угодили ..
И пошла игра-потѣха.
Да крестьянамъ не до смѣха.
Бабы, дѣвки, берегись!
Бѣги къ проруби, топись!

* *
*

А потомъ сожгли строенья.
Лишь остался отъ селенья
Придорожный старый крестъ.
. . . .
Вотъ вамъ царскій манифестъ!

* *
*

А войска царевы съ пѣньемъ
По другимъ пошли селеньямъ
Волю царскую творить,
Мужиковъ землей кормить.
Хвалятъ ихъ попы за это
И поютъ имъ «многи лѣта».

* *
*

Жизнь малина для солдата,
Коль идетъ онъ противъ брата.
Кормятъ, поятъ на убой,
Чаемъ голову хоть мой.
За разстрѣлянную душу
Табаку даютъ папушу;

На придачу кусокъ мыла,
Чтобъ стрѣлять поваднѣй было.
Угощаютъ и виномъ,
Да забыто объ одномъ:
Сколько мыломъ рукъ не мыть,
Братской крови съ нихъ не смыть.

* *
*

Ой, солдатскій грѣхъ тяжелъ
Плачъ по всей землѣ пошелъ:
Знать, пришло лихое время,
Что крестьянскіе сынки—
Государевы стрѣлки—
Отреклись отъ рода-племя,
Идутъ кровь родную лить,
Села, слободы палить,
Въ пламя дѣтушекъ бросать!
Горе вамъ, отецъ и мать,
Что у груди у своей
Вы вскормили лютыхъ змѣй!..

* *
*

Народъ войско проклинаетъ,
А не вѣдаетъ, не знаетъ,
Что не самъ солдатъ казнитъ,
А царь-батюшка велитъ.

* *
*

На подмогу тѣмъ войскамъ
По селамъ и городамъ
Собралась другая рать,—
Черной сотней её звать.
И дворяне, и купцы,
И духовные отцы
Съ Берендеемъ заодно.
Да оно не мудрено:
Воронъ ворону вѣдь глазу
Не выклевывалъ ни разу.

* *
*

Усмиряютъ годъ и два;
И пошла вездѣ молва,
Что крестьяне присмирѣли,—
Знать, пардону захотѣли.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Разъ-два-три, четыре, пять,
Вышелъ мѣсяцъ погулять,
Шесть-семь-восемь, девять, десять,
Царь велѣлъ его повѣсить;
Часты звѣзды набѣжали,
Царю мѣсяца не дали.

Сказка скоро говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Годъ ли, два ли ужъ прошло,
Можетъ, больше протекло;
Воротились изъ полковъ
Дѣти нашихъ мужиковъ,
Въ зипунишки обрядились,
Да шапченками накрылись,
Стали снова въ мужикахъ,
Словно не были въ стрѣлкахъ

* *
*

Жизнь солдатская на диво:
Тамъ тебѣ и чай и пиво;
А попалъ на сельскій сходъ,—
Ужъ совсѣмъ иной почетъ.
Тутъ солдатъ ужъ не поятъ,
Еще въ ребры норовятъ.
И начальство измѣнилось,
Какъ кокарда съ нихъ свалилась:
Заодно ихъ съ мужиками
Дуютъ крѣпко батогами.
Тутъ они и догадались,
За кого допрежъ сражались.

* *
*

По задворкамъ, да въ глуши,
Гдѣ не видно ни души,
Стали кучками сбираться,
Да промежъ собой шептаться:
«Надо было бы насъ драть,
«Какъ мы шли въ народъ стрѣлять.
«То-то дури много въ насъ»...

* *
*

Поведемъ теперь разсказъ
Мы отъ моря-океана,
Да отъ острова Буяна.

Въ океанѣ волны плещутъ,
Въ дикій островъ грозно хлещутъ,
Только гулъ идетъ кругомъ.
А на островѣ на томъ,
Замокъ каменный стоитъ,
Вкругъ дремучій лѣсъ шумитъ.
Обнесенъ острогъ стѣнами
Со высокими зубцами.
Кругомъ ходятъ часовые
Все солдатики лихіе.

* * *

Въ томъ острогѣ, за замками,
За желѣзными дверями,
Арестантики сидятъ,
Кандалы на нихъ гремятъ.
То не воры, не злодѣи,
Не лихіе лиходѣи,—
А сидятъ тутъ мужики,
Все отъ міра ходоки.
Всѣхъ, кто бился за свободу,
Кто хотѣлъ добра народу,
Кто стоялъ за Землю-Волю,
Берендей послалъ въ неволю.
Тутъ сидѣлъ и нашъ Иванъ.
Сторожамъ приказъ былъ данъ:
Ихъ не вѣшать, не казнить,—
Смертью медленной убить.

И никто изъ нихъ не знаетъ,
Какъ судьбу ихъ царь рѣшаетъ.

* * *

Сидитъ Ваня подъ замкомъ,
Держитъ думу объ одномъ:
Какъ бы съ острова бѣжать,
Отца—матерь повидать,
Да къ царю потомъ пролѣзть,
Обо всемъ ему донесть.
И не вѣдаетъ Иванъ,
Что густой уже бурьянъ
На ихъ выросъ пепелищѣ,
Мать лежитъ ужъ на кладбищѣ,
И солдатики Данилу
Уложили спать въ могилу.

* * *

Какъ-то вывели Ванюшу
На тюремный узкій дворъ,
Чтобъ отвелъ себѣ онъ душу,
Да послушалъ темный боръ.
Ваня жадной грудью дышитъ,
Вдругъ, въ бору онъ ржанье слышитъ...
— «Эхъ, кабъ былъ теперь Конекъ,

«Златогривый Скакунокъ!
«Онъ бы вызволилъ меня.
«Прикатили бъ мы въ полъ-дня
«На родимую сторонку»,—
Мыслитъ онъ и потихоньку
Золотистый волосокъ,
Что вручилъ ему конекъ,
Изъ кармана добываетъ
И на двое разрываетъ.
Вдругъ, чрезъ стѣну кто-то скокъ...
Глядь, стоитъ его Конекъ:
— «Ну, Ванюша, торопися,
«На меня скорѣй садися,
«Благо мы одни съ тобой:
«Зазѣвался часовой».
На Конька Иванъ взмостился,
Скакунокъ какъ птица взвился.
Сзади выстрѣлъ загремѣлъ.
Только гдѣ тамъ—улетѣлъ.

* *
*

Конь надъ темнымъ лѣсомъ мчится,
Прямо къ берегу стремится.
Чрезъ овраги, горы скачетъ,
А Ванюша чуть не плачетъ:
Цѣпи руки-ноги жмутъ,
Цѣпи до крови ихъ трутъ.
— «Потерпи еще дружокъ»,

Говоритъ ему Конекъ,—
«Какъ бы не было погони;
«Слышно скачутъ чьи-то кони.
«Съ тебя цѣпи сбросимъ вмигъ».
Вотъ ужъ чащу пролетаютъ
И на берегъ выбѣгаютъ.
Тутъ лежитъ проливъ большой.
Въ девяносто верстъ съ лихвой.
А въ проливѣ томъ вода,
Какъ на морѣ ужъ всегда,
Въ день два раза отливаетъ—
И тогда проливъ мельчаетъ.
Вотъ они и у пролива,
Да не время ждать отлива.
Ужъ какъ будто настигаютъ,
Слышно, какъ собаки лаютъ,
Говоритъ Конекъ Ивану:
— «Черезъ море прыгать стану:
«Крѣпче въ гриву мнѣ вцѣпись,
«Да смотри, братъ, не свались!»—
И махнулъ чрезъ океанъ.
Не опомнился Иванъ,
А они ужъ на лугу,
На противномъ берегу.
— «Ну, Ванюша, молвитъ Конь,—
«Разводи скорѣй огонь,
«Обогрѣйся, разомнися,
«Да въ путь дальній снарядися,

«Ваня съ коника слѣзаетъ,—
Цѣпь ходить ему мѣшаетъ.
Конь въ нее копытомъ бьетъ,—
Кандалы въ кусочки рветъ.

* * *

Говоритъ Коньку Иванъ:
— «Я отъ радости сталъ пьянъ
«И не нуженъ отдыхъ мнѣ;
«На родимой сторонѣ
«Мнѣ бъ хотѣлось побывать,
«Отца-матерь повидать».
Отвѣчаетъ Конь печальный:
— «На чужбинушкѣ на дальней
«Мать лежитъ въ землѣ сырой,
«И убитъ родитель твой».
Какъ каленая стрѣла,
Вѣсть та Ванѣ въ грудь вошла,—
Зашатался и какъ снопъ
На сырую землю—хлопъ...
А когда глаза открылъ,
Уже вечеръ наступилъ.
Конь отъ радости заржалъ,
А Иванъ ему сказалъ:
— «Разскажу я Берендею,
«Что надѣлали злодѣи».
Усмѣхнулся тутъ Конекъ:
— «Ну, мой миленькій дружокъ,—

«Къ Берендею доступъ труденъ.
«Будь то въ праздникъ, будь то въ
буденъ, —
«Не допустятъ мужика.
«Да изволь ужъ; для дружка
«Радъ разбиться я въ лепешку,
«Отыщу туда дорожку.
«Слушай. Я хоть не бывалъ,
«Да отъ матушки слыхалъ,—
«Что на свѣтѣ есть страна,
«И богата и вольна;
«Нѣтъ царей тамъ, нѣтъ господъ,
«Всякъ тамъ бариномъ живетъ,
«Отъ трудовъ своихъ доходъ
«Въ карманъ полностью кладетъ.
«Мать разсказывала мнѣ,
«Будто въ чудной той странѣ
«Невидимка-шапка есть.
«Кабъ тебѣ въ ту шапку влѣзть,
«Ты тогда-бъ ужъ могъ смѣлѣе
«Итти въ гости къ Берендею.
«До земли той путь далекъ,—
«Надо ѣхать на Востокъ».
Ваня на ноги вскочилъ
И Коньку проговорилъ:
— «Такъ вези жъ меня, Конекъ,
«Поскорѣе на Востокъ,
«Помоги добыть ту шапку!»

И, схвативъ Коня въ охапку,
Началъ онъ его ласкать,
Крѣпко въ морду цѣловать.
— «Ну, да ладно ужъ, садися,
«Только знай себѣ держися.
«Не мѣшаетъ темень намъ,
«Завтра къ утру будемъ тамъ.

* *
*

Ясный мѣсяцъ диву дался,
Что Иванъ такъ быстро мчался.
И всю ночку напролетъ
Звѣздъ веселый хороводъ
За Иванушкой летѣлъ,
Обогнать его хотѣлъ.
Не догнали, хоть старались,—
Лишь по небу растерялись.

* *
*

А какъ только разсвѣло,
Показалося село.
Не село, а прямо—чудо,
И никто еще покуда
Не видалъ подобныхъ селъ.
Трактъ къ нему широкій велъ.
Видно всѣ въ селѣ богаты:
Нѣту избъ,—однѣ палаты.

Вотъ ворота отворяютъ,
Парни въ поле выѣзжаютъ.
Мужики они аль бары?—
По одёжкѣ же бояры:
Шелкъ и бархатъ на плечахъ.
Всѣ въ сафьянныхъ сапожкахъ.
Дѣвки по воду идутъ,
Коромыслица несутъ,—
Коромысла не простыя,
Всѣ изъ золота литыя.
Ни запоровъ, ни замковъ
Нѣтъ у здѣшнихъ мужиковъ,
И хоть расперты всѣ двери,—
Не случается потери.
Нѣту слугъ тутъ, нѣтъ господъ.
Всякій бариномъ живетъ,
И не знаютъ, кто такой
Царь, министръ иль становой.
Сообща по уговору
Пашутъ пашенку безъ спору.
А коль надобность зайдетъ,
Собираютъ мірской сходъ,
Чтобъ рѣшить досадный споръ,—
И ужъ святъ тотъ приговоръ.
Конь бѣжитъ селомъ тихонько.
— «Вотъ та вольная сторонка,—
Говоритъ онъ,—примѣчай,
«Да на усъ себѣ мотай».

Нашъ Иванъ дивится чуду,
Говоритъ:—«Ужъ не забуду».

* *
*

За село выводитъ шляхъ.
Нивы тучныя въ поляхъ
Клонятъ колосъ до земли.
Показался лѣсъ вдали.
Ѣдутъ лѣсомъ. Трактъ исчезъ.
Разступился темный лѣсъ.
На прогалинѣ лѣсной
Видѣнъ теремъ расписной.
Стоитъ теремъ, какъ гора.
Самъ литого серебра,
Верхъ у терема зеркальный
А вокругъ заборъ хрустальный.
— «Видишь этотъ теремокъ?—
Говоритъ тогда Конекъ,—
«Есть въ томъ теремѣ хозяйка,
«У нея и попытай-ка
«Невидимку ту добыть,—
«Не откажетъ, надо быть».
Ваня скокъ на рѣзвы ноги
И пустился во чертоги.
Отъ хрустальныхъ отъ воротъ
Стежка торная идетъ.
Онъ бѣжитъ по той дорожкѣ,
Лишь стучатъ его сапожки.

По бокамъ зеленый садъ,
А въ немъ зрѣетъ виноградъ;
Кисти словно изумрудъ,
Сливы, вишенья цвѣтутъ,
И идетъ пріятный духъ.
Въ домѣ, видно, нѣту слугъ:
Никто Ваню не встрѣчаетъ.
Вотъ проворно онъ взбѣгаетъ
По широкимъ ступенямъ—
И покои видитъ тамъ.
Не покои, а игрушка!
А въ одномъ сидитъ старушка
Подъ косящатымъ окномъ.
Не стара она лицомъ:
Нашимъ бабамъ въ тридцать лѣтъ
Далъ бы Богъ такой же цвѣтъ.
Только волосы сѣдые,
Въ кудри пышно завитые,
Да сидитъ она въ очкахъ,
Держитъ книжечку въ рукахъ
(Видно грамотна была).
Она парня приняла:
— «Здравствуй, добрый молодецъ!
«Знать, не маленькій конецъ
«Нынче въ ночь ты отмахалъ?
«Знать, нигдѣ не отдыхалъ,
«Что шатаешься, какъ пьяный?»—
Говоритъ она Ивану.

— «Изъ полуночныхъ сторонъ
«Я привезъ тебѣ поклонъ.
«Царь страны той Берендей,
«Подъ нимъ двадцать пять царей»,—
Отвѣчалъ Иванъ.—«А, знаю!
«Каждый день объ немъ читаю.
«Натворилъ онъ много бѣдъ,
«Говоритъ о немъ весь свѣтъ.
«Это онъ тебя прислалъ?»
— «Нѣтъ. Я, бабушка, слыхалъ,
«У тебя шапченка есть.
«Попрошу тебя я въ честь,
«Одолжи мнѣ шапки той.
«Я свезу ее домой.
«Вишь, царя мнѣ для доклада
«До зарѣза видѣть надо.
«Такъ вотъ я накроюсь ею
«И пройду въ ней къ Берендею;
«А безъ шапки—хоть, что хошь—
«Во дворецъ не попадешь.
Улыбнулася старушка:
— «Эхъ и простъ же ты, Ванюшка.
«Мало видно Берендей
«Закатилъ тебѣ плетей.
«Аль онъ самъ про все не знаетъ?
«Аль газетъ онъ не читаетъ?
«Да изволь ужъ, такъ и быть,—
«Почему не одолжить.

«Какъ надѣнешь шапку эту,
«Щеголяй себѣ по свѣту.
«Хоть сойдись съ царемъ самимъ,—
«Въ ней ты будешь невидимъ».
Ваня шапочку беретъ,
Да за пазуху кладетъ.
И хотѣлъ, отдавъ поклонъ,
Во свояси ѣхать онъ,
Да старушка не пустила:
— «Наберись ка сперва силы,
— «Закуси, да отдохни,
«На кроваткѣ вотъ сосни,
«А ужъ съ утренней зарей
«Поѣзжай себѣ домой».
Ночевать Иванъ остался,
Закусилъ, поотлежался,
И, набравшись свѣжихъ силъ,
Въ путь обратный покатилъ.
А старушка на дорожку.
Дала Ванюшкѣ лепешку,
Еще письменный приборъ,
Да узорчатый шатеръ.

* *
*

Ѣхалъ близко-ли, далеко,
Ѣхалъ низко-ли, высоко,

Но къ концу другого дня
Сталъ онъ сдерживать коня:
Берендеевой столицы
Передъ нимъ блеснули шпицы.
Не поѣхалъ онъ къ заставѣ,
А свернулъ коня къ дубравѣ.
Тутъ шатеръ онъ свой разставилъ,
У шатра Конька оставилъ,
Невидимку-шапку вздѣлъ,
И въ столицу полетѣлъ.
Вдоль по улицамъ идетъ,
Самъ онъ видитъ весь народъ,
А его никто не видитъ,
Не затронетъ, не обидитъ.
Вотъ ужъ онъ и у дворца
И по лѣстницѣ крыльца
Незамѣченный идетъ.
Не закрыли предъ нимъ входъ
Часовые у порога,—
Всюду вольная дорога.
Ваня мыслитъ:—«Вотъ такъ шапка!
И затѣйница же бабка!»
По коврамъ онъ вверхъ идетъ,
Обгоняючи народъ.
Во дворцѣ въ тотъ день былъ балъ.
— «Знать къ обѣду я попалъ!»—
Говоритъ себѣ мужикъ,
И съ другими въ залъ проникъ.

* * *

Тамъ у печки притаился,
И не мало подивился,
Какъ узналъ, что за народъ
Во дворецъ къ царю идетъ.
Въ раззолоченой палатѣ,
Самъ какъ жаръ сіяя въ златѣ,
Царь ихъ ласково встрѣчаетъ,
За столы съ собой сажаетъ.
Что ни гость, то важный панъ.
Никогда еще Иванъ
Не видалъ такого схода:
Тутъ былъ славный воевода;
Изъ военнаго похода
Онъ вернулся со стыдомъ,
Не вступая въ бой съ врагомъ,—
Берендею жъ тѣмъ онъ милъ,
Что рабочихъ усмирилъ.
Былъ другой тутъ генералъ;
На войнѣ онъ не бывалъ
И не видывалъ враговъ,
Зато съ мѣсяцъ мужиковъ
По десятку вѣшалъ въ день,
Да спалилъ сто деревень.
Царь за подвигъ таковой
Ему—перстень золотой.
И еще пришелъ одинъ

Знаменитый господинъ:
Онъ-то въ праздничекъ престольный
Пушки ввезъ на колокольни,
Да втащилъ и пулеметъ,
Чтобъ разстрѣливать народъ.
Царь и этого любилъ
И крестами наградилъ.
На гостяхъ кафтаны шиты,
Златомъ-серебромъ покрыты.
На иномъ такой нарядъ,
Что за полу аль за задъ
Прокормить бы можно въ годъ
Душъ поболѣ пятисотъ.
Были тутъ и двѣ царицы,
Двѣ Заморскія Дѣвицы,—
Гостей ласково встрѣчали
И съ царемъ за столъ сажали.
А придворныя дѣвицы
Голы всѣ до поясницы.
Былъ не мало тѣму смущенъ
Деревенскій парень Ваня,
— «Что за штука,—думалъ онъ,—
«Не готовится ль тутъ баня?»
Только нѣтъ, за столъ всѣ сѣли.
Пили, пили, ѣли, ѣли...
А потомъ мужчинъ и дамъ
Развозили по домамъ.

За гостями царь встаетъ,
Въ свою спаленку идетъ,
Подпираясь посошкомъ
(Знать, не брезгалъ онъ виномъ).
Вслѣдъ за нимъ идутъ царицы—
Двѣ Заморскія Дѣвицы.

* *
*

А Иванъ въ покояхъ бродитъ,
Незамѣтно всюду входитъ.
Пышны царскія палаты:
Всюду серебро и злато,
Самоцвѣтныя каменья;
Райскихъ птицъ несется пѣнье,
Что разсѣлись на вѣтвяхъ
Въ царскихъ комнатныхъ садахъ.
Ваня ходитъ и вздыхаетъ,
Самъ съ собою разсуждаетъ:
— «Вишь, сколь много здѣсь добра!
«А съ мужицкаго двора
«Чай послѣдній ужъ лоскутъ
«Царю въ подати берутъ».
Онъ до спальни ужъ добрался,
Да вдругъ царь тутъ показался.
— «А вѣдь царь-то кажись, пьянъ»,—
Говоритъ себѣ Иванъ
И идетъ за нимъ тайкомъ.
— «Фу, какъ пахнетъ мужикомъ!»—

Закричали вдругъ царицы,
Двѣ Заморскія Дѣвицы,
Зажимая платкомъ носъ.
Тутъ Иванъ уже не снесъ.
Съ головы онъ шапку снялъ,
И всѣмъ сразу видѣнъ сталъ.
Берендей остолбенѣлъ,
Сразу хмѣль съ него слетѣлъ,
И въ испугѣ двѣ царицы
Заслонили себѣ лица.
А Иванъ промолвилъ такъ:
— «Я мужикъ, Иванъ-дуракъ,—
«Тотъ, кто пашетъ, сѣетъ, жнетъ,
«Рубитъ лѣсъ и сталь куетъ,
«Кто всѣхъ кормитъ, одѣваетъ,
«Кровь на войнахъ проливаетъ,
«Роетъ землю словно кротъ,
«Соль и уголь достаетъ,
«Добываетъ мѣдь, свинецъ.
«Я вашъ выстроилъ дворецъ!
«Царь, скажу те напрямикъ:
«Еслибъ только не мужикъ,
«Ты ходилъ бы безъ сапогъ,
«Ты бы съ голоду издохъ.
«Вѣдь на мой крестьянскій грошъ
«Ты богато такъ живешь,
«Ты владѣешь вотъ одинъ
«Милліономъ десятинъ,

«У меня-жъ у мужика
«Всей земли-то два вершка.
«Ты съ насъ десять шкуръ дерешь,
«А взамѣнъ намъ что даешь?
«Всякій день ты сытъ и пьянъ
«И забылъ, что у крестьянъ
«Въ деревняхъ съ двора на дворъ
«Ходитъ голодъ, ходитъ моръ,
«И солдатики твои
«Въ нашей плаваютъ крови.
«Ты у насъ дѣтей берешь
«И на насъ же ихъ ведешь.
«Въ твоемъ царствѣ нѣтъ угла,
«Гдѣ бъ не дѣлали намъ зла!...
«Дай же мнѣ теперь отвѣтъ:
«Знаешь ты про то, аль нѣтъ?»
Тутъ царицы вразъ вскричали,
Обѣ въ обморокъ упали.
Царь сталъ палкою махать,
На Иванушку кричать:
— «Вздумалъ ты царя учить!
«Чортовъ сынъ, собачья сыть!
«Ахъ такой-сякой мужикъ,
«Сицилистъ и бунтовщикъ!
«Я велю тебя повѣсить,
«Да плетей допрежъ отвѣсить!...
«Велю шкуру въ ленты драть!..
«Взять его! Связать! Сковать!..»—

«Челядь къ Ванѣ тянетъ лапки,
Да Иванъ опять ужъ въ шапкѣ,—
Изъ очей у нихъ исчезъ
И пошелъ обратно въ лѣсъ.

* * *

Тутъ Конекъ его встрѣчаетъ,
Мордой ласково киваетъ:
— «Что, хозяинъ мой, не веселъ,
«Что головушку повѣсилъ?
«Ты ходилъ ли во дворецъ,
«Что повѣдалъ царь-отецъ?
«Аль отвѣдать далъ нагайки?»
Разсказалъ тутъ безъ утайки
Мой Иванъ, что онъ видалъ
И что царь ему сказалъ.
А на то ему Конекъ:
— «Эй, послушай, куманекъ!
«Ты безъ толку не грусти:
«Не все быть царю въ чести.
«Сослужу тебѣ я службу,
«Чтобъ ты помнилъ мою дружбу,
«Ты ступай-ка во шатеръ,
«Бери письменный приборъ,
«Пиши письма-ярлычки,
«Чтобы знали мужички,
«Какъ царь ласковъ къ мужикамъ,
«Къ молодымъ и старикамъ.»

* * *

Входитъ Ваня во шатеръ,
Беретъ письменный приборъ,
На ременчатъ стулъ садится,
Строчитъ письма торопится.
Валитъ кучей ярлычки:
«Гой вы, братья-мужички!
«Полно, полно, други, спать,
«Время волю добывать,
«Разогните-ка вы спины,
«Да повырѣжьте дубины.
«Встаньте, други, братъ за брата
«На лихого супостата.
«Супостатъ у насъ одинъ—
«Берендей, нашъ властелинъ!»
Пишетъ Ваня день и ночь;
Ужъ писать ему не въ мочь.
Тутъ вошелъ въ шатеръ Конекъ,
Златогривый Скакунокъ.
— «Ну, Иванушка, довольно.
«Уморился ты чай больно.
«Лягъ на коврикъ да сосни;
«Богъ во снѣ тебя храни.
«А тѣ письма я ужъ самъ
«Развезу по деревнямъ».
Ярлычки Конекъ тутъ взялъ,
Да всѣ въ сумочку поклалъ,

На себя суму повѣсилъ
И поклонъ дружку отвѣсилъ.
Ваня тутъ же словно снопъ
На шелковый коврикъ—хлопъ,
И, забывши обо всемъ.
Засыпаетъ крѣпкимъ сномъ.

* *
*

Спалъ онъ долго ли, аль мало,—
Только солнышко стояло,
Надъ узорчатымъ шатромъ,
Какъ Иванъ услышалъ громъ.
Онъ вскочилъ на рѣзвы ножки,
Натянулъ свои сапожки.
—«Ужъ вставать давно пора,»—
Молвитъ онъ,—и изъ шатра
На полянушку выходитъ
И по небу взоромъ водитъ.
На безоблачной лазури
Ни отколь не видно бури.
— «Что за штука,—говоритъ,—
«Да откуда-жъ громъ гремитъ?»
И на дерево онъ влѣзъ,
Чтобы глянуть черезъ лѣсъ.

Видитъ, въ полѣ пыль столбомъ
И оттолѣ слышенъ громъ.
Видитъ онъ народъ бѣжитъ,

Какъ вода въ котлѣ кипитъ,
Много красныхъ тамъ знаменъ,
Острыхъ косъ несется звонъ,
Оглашаетъ чисто поле,
Громкій крикъ: «Земля и Воля!»
И солдатики бѣгутъ,
Да народа ужъ не бьютъ.
Понялъ каждый, знать, солдатъ,
Что мужикъ солдату братъ,—
Всѣ съ народомъ заодно.
Эхъ, когда бы такъ давно!

Ваня съ дерева скатился
И бѣгомъ туда пустился.

* *
*

Во дворцѣ жъ у Берендея
Вышла новая затѣя.
Онъ опять на сходъ зоветъ
И поповъ и воеводъ:
— «Ой вы, други, помогите,
«Поскорѣе научите,
«Что намъ дѣлать, какъ намъ быть?
«Сталъ опять народъ шалить.
«Какъ бы намъ его унять,
«Чтобы царство удержать?»
Посудили, порядили,
Да и тутъ же порѣшили:

«Войску выступить въ походъ—
«Усмирять опять народъ».
Вдругъ приходитъ донесенье,
Что средь войска возмущенье,
И столичныхъ семь полковъ
Не идутъ на мужиковъ.

* *
*

Словно треснулъ неба сводъ
Надъ собраньемъ воеводъ,
Когда вдругъ они узнали,
Что войска отъ нихъ отпали,
Что къ столицѣ мужики
Ужъ ведутъ свои полки.
Всѣ пустились, кто какъ могъ,
Отъ народа наутекъ.
Побросали животишки;
Плачутъ жены, ребятишки,—
Ихъ назадъ къ себѣ зовутъ,
А они бѣгутъ, бѣгутъ...
Только многіе сплошали,
Головой въ петлю попали,—
Ихъ давно ждала ужъ плаха...

* *
*

Берендей чуть живъ отъ страха.
И ужъ чудится ему,
Что везутъ его въ тюрьму,

И на площади дворцовой
Ставятъ столбъ ему сосновый.
Знать, ужъ близокъ часъ расплаты...
Пусты царскія палаты,
Ни откуда нѣтъ подмоги:
Всѣ бѣгутъ—давай Богъ ноги.
Мать-царица, какъ на горе,
Укатила тожъ за море.
Ой, догадлива старуха!
Какъ досадливая муха,
Только вьется вкругъ Сысой,
Быть не знаетъ какъ съ собой.
Ужъ онъ вьется, вьется, вьется,
Да лишь въ руки не дается.
Вдругъ пришелъ царю на умъ
Злой кудесникъ, чертовъ кумъ.
Захвативъ съ собой царицу,
Онъ бѣжитъ къ нему въ свѣтлицу.
И едва его засталъ:
Чародѣй ужъ умиралъ.
Лишь успѣлъ сказать: «Бѣги!
Да сынка побереги»,—
И черна душа изъ тѣла
Въ когти къ чорту полетѣла.
А народъ ужъ тутъ какъ тутъ,—
Вотъ сейчасъ дворецъ возьмутъ.
Да по счастью тайный ходъ
Изъ дворца того ведетъ.

Бросивъ скипетръ и вѣнецъ,
Покидаетъ царь дворецъ.
А за нимъ въ единый мигъ
И Сысой тѣмъ ходомъ—шмыгъ

* *
*

Къ морю царь съ семьей бѣжитъ,
Гдѣ корабль его стоитъ.
А за ними слѣдъ Сысой
Замѣтаетъ бородой,
Впереди нихъ видѣнъ бродъ,
За спиною же—народъ.
Добѣжалъ Сысой до броду
Повернулъ лицомъ къ народу
И сказалъ тутъ рѣчь онъ вкратцѣ:
—«Не гоните меня, братцы!
«Вотъ порукой моя честь,—
«Помогу я вамъ завесть
«Въ царствѣ новые порядки!..
— «Уходи-ка безъ оглядки!—
Закричали мужики,
Поднимая кулаки:
— «Уходи, покуда цѣлъ!»—
— «Его взять бы на прицѣлъ!»—
Изъ народа крикнулъ кто-то,
— «Али вздернуть на ворота!»
Сысой свиснулъ безъ оглядки,
Лишь въ водѣ сверкаютъ пятки.

* *
*

Той порою Берендей
Со царицею своей
И съ наслѣдникомъ родимымъ,
Своимъ чадушкой единымъ
Къ синю-морю подбѣгаетъ,
Гдѣ корабль ихъ поджидаетъ.
Вотъ по кладочкамъ спѣшатъ,
На корабль тотъ сѣсть хотятъ.
Да царица тутъ со страху
Пребольшого дала маху:
Сынъ наслѣдничекъ изъ рукъ
У ней въ воду выпалъ—бухъ!
Но царю ужъ не до сына,
Коль надъ нимъ самимъ дубина.
Мальчикъ тонетъ и кричитъ,
Царь отчаливать велитъ.
Вскорѣ смолкъ ребенка крикъ.
Тутъ изъ жалости мужикъ
Его граблями досталъ
И товарищамъ сказалъ:
— «Захлебнулся паренекъ.
«Ну да что-жъ?—каковъ пенекъ,
«Чай, такой же и отростокъ!..»
Воевода же Сысой,
Снявъ кафтанъ свой золотой,
Въ воду кинулся съ подмостокъ,—

Вплавь догнать корабль спѣшитъ;
Царь весломъ ему грозитъ.
А народъ отъ смѣха стонетъ:
— «Ну, ужъ этотъ не потонетъ!»
Царь катитъ на всѣхъ парахъ
У народа на глазахъ.
Мужики-жъ на берегу:
«Улю-лю! да гу-гу-гу!»
Бѣглецы изъ глазъ пропали,
А они все разсуждали:
«Отъ такой, прости Богъ, гниды
Сколь мы вынесли обиды!»

* *
*

Собирался тутъ народъ
Да на общій Вольный Сходъ.
Посудили, порядили,
Перво-на-перво рѣшили,
Чтобъ не быть у нихъ царямъ,—
Ни царямъ, ни ихъ псарямъ:
Пусть крестьянскій де народъ
Самъ дѣла свои ведетъ.
А потомъ пошло равненье.
Отобрали всѣ имѣнья
У дворянъ и у купцовъ,
Міроѣдовъ—кулаковъ:
Пусть землей владѣетъ тотъ,
Кто свой потъ на пашнѣ льетъ.

Шло равненье шире, шире.
Много фабрикъ въ божьемъ мірѣ:
Тамъ трудятся у станковъ
Руки тѣхъ же мужиковъ.
Значитъ, долженъ всякъ заводъ
Мужикамъ давать доходъ.
Отобрали всѣ заводы
У купеческой породы.
Говоритъ Иванъ тутъ:—«Браты!
«Ужъ подѣлимъ и палаты!
«Чай, вѣдь строили дворцы
«Не дворяне, не купцы.
«Всѣмъ въ палатахъ не вмѣститься,
«Такъ чтобъ намъ не побраниться,
«Пусть съ хоромъ тѣхъ весь доходъ
«Въ пользу общую идетъ,—
«На сиротскую, слышь долю...
«Да, ребята! Надо-бъ волю
«Ужъ и бабамъ нашимъ дать,—
«Съ нами ихъ въ правахъ сравнять».
Старики какъ загалдятъ:—
— «Очумѣлъ должно ты, братъ!»
А Ивановъ сватъ Нефедъ
Тутъ повыступилъ впередъ:
— «Коль права всѣ бабѣ дать,
«Такъ ее и не унять.
«Тутъ, къ примѣру, весь твой домъ
«Она вывернетъ вверхъ дномъ.

«Хоть у бабы длиненъ волосъ,
«Да башка-то пустой колосъ».
А Иванъ—гораздъ молчать,
Да и знаетъ, что сказать:
— «Вижу, слабъ ты, сватъ, умомъ.
«Бабой держится весь домъ.
«Гдѣ бы самъ ты былъ, когда-бъ
«Не рождались мы отъ бабъ.
«Мать дѣтей на свѣтъ родитъ,—
«А въ глаза ей смерть глядитъ.
«Гдѣ нѣтъ бабы—жизни нѣтъ,
«Не стоитъ безъ бабы свѣтъ!»
Тутъ весь сходъ какъ закричитъ:
— «Ваня дѣло говоритъ!
«Равны баба съ мужикомъ,
«Держатъ міръ они вдвоемъ!»

Какъ покончили съ равненьемъ,
Разошлись всѣ по селеньямъ,
И на радости такой
Пиръ устроили горой.
Жаль, что не было насъ тамъ,—
Поднесли-бъ навѣрно намъ!..